

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

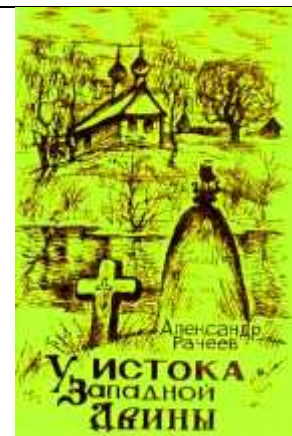
14.11.2014

№11 (44) Ноябрь 2014 года

• На карте сайта

ТЕПЕРЬ И В ИНТЕРНЕТЕ

Как говорит директор ЦБС Н. В. Белякова: «Краеведческой литературы много не бывает». Книга А. В. Рачеева «У истока Западной Двины» вышла в 1992 году тиражом для провинции не малым – 10000 экземпляров. Но к сегодняшнему дню её, кроме библиотеки, мало где сыщешь. А сведения в ней содержатся интересные для краеведов и просто людей, любящих свою родину и желающих знать о ней больше. Например, вы можете прочесть в ней, что «город Андреаполь относится к числу наиболее старых поселений на территории центра России», что «андреапольский край издавна (по крайней мере с 1016 года - первого письменного упоминания города Торопца) несколько веков был в составе Торопецких земель», что «наш край являлся связующим звеном между Балтийским и Каспийским морями, о чём свидетельствуют найденные в конце XIX века в деревнях Кочерга и Церковище клады». И многое другое.

Теперь книга размещена на литературной карте сайта Андреапольской библиотеки и доступна большому числу читателей.

• Возвращаясь к напечатанному

ПУШКИ ТАНКЕРА «АНДРЕАПОЛЬ»

Известно, что читатели старой, советской, закалки (к каковым, безусловно, отношусь и я) отличаются от всех прочих тем, что просматривают газеты и журналы с конца, а в книгах пропускают, даже не заглядывая в них, предисловия. Поэтому, обнаружив в сентябрьском номере «Светлячка» рассказ «Пушки танкера "Андреаполь"», я сходу начал читать его, не обратив никакого внимания на предшествовавшую рассказу редакторскую врезку.

После первых же абзацев у меня возникло стойкое ощущение, что всё это я уже когда-то читал. К концу третьей страницы ощущения эти перешли в уверенность. А страницы за полторы до финала, я уже знал, чем закончится повествование, и даже виденные когда-то иллюстрации к рассказу вдруг отчётливо всплыли перед моими глазами: одна, где был изображён зажатый между серым небом и такими же серыми волнами неуклюжий тёмно-коричневый корпус танкера и вторая – с вооружённым автоматом и гранатой раненым матросом, опирающимся спиной на штабель остроносых артиллерийских снарядов. Дочитав рассказ, я наконец-таки прочитал и предисловие, после которого мне всё стало ясно.

В семидесятых годах прошлого века мои родители выписывали несколько популярных журналов, среди которых был и журнал «Вокруг света». Я – в ту пору девятилетний пацан – «проглатывал» все приходящие журналы в течение нескольких дней. Помнится, рассказ о героическом подвиге доблестных советских моряков произвёл на меня неизгладимое впечатление. Разумеется, имя танкера – «Андреаполь» – мне, жившему в ту пору в пыльно-снежном Оренбурге, не сказало ровным счётом ничего.

Мог ли я тогда предполагать, что спустя сорок с лишним лет я буду вновь читать этот рассказ, живя в том самом валдайском городке, имя которого использовал в своём произведении автор?! Мог ли и сам автор предугадать, что через сорок с лишним лет после публикации во всесоюзном журнале его рассказ будет ещё раз напечатан, но уже в литературно-краеведческой газете в городе, название которого он достаточно случайно дал танкеру, ставшему ареной развернувшихся в его произведении событий?!

Нет, воистину, самой хитроумной и изобретательной из мойр является лукавая пряжа Клото!*

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

***Мойры** (др.-греч. Μοῖραι от μοῖρα, **мойра**, букв. «часть», «доля», отсюда «участь», которую получает каждый при рождении) — в древнегреческой мифологии богини судьбы.

Клото была **мойрой** настоящего. Она пряла нить судьбы, на которую нанизывались события настоящего времени в жизни человека.

Отвёртка и тележка

Рассказ

Некогда почти в каждом доме и каждой квартире «имело место быть» мебельное изделие под названием «диван-кровать», вещь удобная и практичная. Отслужив свой первый почётный срок, эти самые «диван-кровать» перекочёвывали в иные места, в подсобки и мастерские. В одном из таких помещений, где я тогда ошивался куска хлеба насущного ради, именно «такое и стояло». Особенность изделия: в сложенном виде между спинкой и сиденьем образовывалось некоторое скрытое от глаз пространство, куда подчас закатывались монетки и прочая мелочь.

Однажды туда угодила одна из моих отвёрток. Тут как раз зашёл ко мне один коллега и, удобно устроившись на «диван-кровать», запел популярную русскую народную песню о том, что кругом гнусные сволочи и сплошные несправедливости, а «начальство ворует». Поскольку песня эта мне давно надоела, я поддакивал рассеянно, думая о своём.

Уловив момент моей как бы рассеянности, гражданин Б. – давайте назовём его так – пошарил вокруг себя и нащупал отвёртку. О, как он напряжился, как загорелись его глаза! Некто, наделённый творческим воображением, увидел бы в этих глазах отблеск радости путника, вернувшегося в родной дом после долгой утомительной дороги. Я же боковым зрением спокойно наблюдал как Б. (полагая, что незаметно от меня) берёт отвёртку и медленно перемещает её в карман своих брюк.

Мне вспомнилась поговорка былых времён: «Кто в колхозе не вор, тот дома не хозяин», - и «День международной солидарности трудящихся». Законный вопрос: почему я не схватил его за руку, почему косвенно способствовал мелкому воровству? Ответ. Если бы вы видели, каким ну прямо детским неподдельным счастьем светилось лицо нового владельца отвёртки (Надул! Скоммуниздил!! Обул лоха!!!), то возможно, поступили бы как я: никак. Разве какая-то там бэушная отвёртка, давно списанная, сопоставима с ликованием, которым сияли «эти глаза напротив»!

Дня через три у Б. угнали некую «тележку». Признаться, меня это удивило: Б. был настолько хитёр и предусмотрителен, что даже руки холодной водой никогда не мыл. И вот «третьёва дни тому назад» лучившаяся довольством физиономия вспыхнула законным гневом: «Гады! Бездельники! Совсем народ распустили! Спасу от воров нет!» Далее последовало странное утверждение: «Вот ведь у мусульман как? Что ни украд – руку отрубают!»

Я не знаток мусульманских обычаев. Вроде они себе нечто лишнее отрезают, но чего они и за что отрубают – не ведаю.

Да и надо ли уточнять, морализировать, продолжать?..

Михаил Никоноров,
Андреаполь

● Мы помним вас

*Пусть стих летит,
как свежий ветер...*

Стихи Валерия Осипова действительно оставляют ощущение свежего лёгкого ветерка, колышущего ветви деревьев над чистой водой. Нарисованные точным словом деревенские картинки так близки провинциальному сердцу. Да и горожанина заставят создавать в воображении картины деревенского рая. Хотя всем известно, что в деревне жизнь далеко не райская – так же трудна, как и маняща красотами природы.

Хватил своего «лиха» и автор этих стихов, что угадывается между строк или в лёгких намёках. И всё-таки из-под его пера выходили строки, вызывающие в сердце радость. Осталось их не так много: некоторые напечатаны в сборниках андреапольских поэтов, в литературно-краеведческой газете «Светлячок» и на сайте нашей библиотеки, что-то в районной газете. Вероятно, в авторских записях и есть что-нибудь ещё. Ведь нашлись же недавно неопубликованные ранее стихи, которые принесла в библиотеку его дочь.

С некоторыми из них мы вас и знакомим. Они светлы, несмотря на предчувствие недалёкого конца. Поэт хоть и спорит с кукушкой, науковавшей ему мало лет («Моя песня еще не допета, // Не дописан последний куплет...»), хоть и пытается подтрунивать над смертью - но вновь и вновь обращается к этой теме.

Настоящие поэты редко ошибаются. Но жить остаются в своих произведениях. «На земле этой, вечно взволнованной», его строки ещё не раз с благодарностью перечитают.

М. Петрова

Валерий Осипов
(1947-2013)

КУКУШКА

Залита вешним светом

опушка,
Как струна, плотный воздух
дрожит,

И считает за речкой

кукушка,

Сколько лет мне осталось прожить.

Куковала – и вдруг перестала,
Досчитал я всего до шести,
Неужели, кукушка, так мало
Мне осталось по жизни идти?

Я не очень-то верю в приметы
И еще проживу много лет.
Моя песня еще не допета,
Не дописан последний куплет.

И со мной всюду рядом подружка,
С нею радость и грусть – на двоих.
Не кукуй ты мне больше, кукушка,
Ни к чему предсказанья твои!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

(подражание Есенину)

Загорелась заря предрассветная
И деревню огнем золотит.
Что ж ты, участь моя беспросветная,
Все с кривого не сходишь пути?

И рассвет и закат меня радовал,
И весенней поры благодать,
Только, зная, за могильной оградой
Суждено мне не в долгих лежать.

Позабывтый, толпою оплеванной,
Ни родне, ни знакомым не мил,
На земле этой, вечно взволнованной,
Я, наверное, срок свой прожил.

И меня похоронят без почестей,
Без банальных надгробных речей,
Все равно без обид и без горестей
В мир иной я уйду от людей.

И могила моя затеряется
Средь других безымянных могил...
Жизнь всегда только смертью кончается,
Но и то хорошо, что я жил –

Жил, подчас спотыкаясь и падая,
Но всегда помня ясные дни.
Пусть заблудшую душу порадуют
Теплым солнечным светом они!

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ТРАГЕДИЯ

*«В час есенинский и синий
Я повешусь на осине»
Глеб ГОРБОВСКИЙ,
«Сорокоуст».*

Деревенским утром звонким,
Перепив всю самогонку,
Наяву или во сне
Я повешусь на сосне.

Всё болит – душа и тело,
Всё на свете надоело,
Интерес пропал к житью.
Потому и водку пью.

Но давайте по порядку:
Жалко мне гармонь-трёхрядку,
Нелюбящую жену,
Непришедшую весну.

Улетят хмельные ночки,
Недописанные строчки,
Недоигранный мотив...
Надо пить аперитив.

Так же будут пить ребята,
Как и я пивал когда-то,
И расскажет анекдот
Санька рыжий у ворот.

Но закончится терпенье,
Всё исчезнет во мгновенье,
И страданий алкаша
Не поймет ничья душа.

...Деревенским утром звонким,
Выпив флягу самогонки,
Я повешусь на сосне.
Что-то скажут обо мне?..

ПОЖЕЛАНИЕ СТИХОТВОРЦУ

Начни лишь первую строку,
И стих пойдет – спокойно, плавно,
Ты лишь успеешь сказать о главном,
Что было на твоём веку.

Припомни прелесть будних дней,
И что другие не заметят,
Пусть стих летит, как свежий ветер,
По душам и сердцам людей.

А время лучшее пройдет –
Свои стихи перечитаешь,
О днях ушедших помечтаешь,
И как всегда, пойдешь вперед!

(Автопортрет Валерия Осипова)

• Гости клуба

Сборник с рассказами и стихами Василия Миронова подарил андреапольской библиотеке наш земляк Юрий Смирнов, теперь живущий в Торжке, сопроводив подарок словами: «Это очень хорошие рассказы». В правоте его слов мы убедились, прочитав книгу. Они написаны человеком неравнодушным и талантливым. К тому же, его герои напомнят каждому из нас людей, не раз виденных в жизни, а может быть, и похожих на нас самих.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Рассказ

Возвращался из очередной поездки в Москву. Последняя электричка на Торжок, проходящая около полуночи, останавливалась у каждого столба. Полупустой вагон покачивало на стрелках. После шума и суеты большого города клонило ко сну. Пробовал читать – газета падала из рук. Сон начинал властно овладевать сознанием, и, наконец, заснул. Проснулся в Лихославле. Разбудили входящие, хоть и немногочисленные, но шумливые пассажиры: молодые парни с девушками и гитарой, старухи с сонными лицами и большими сумками, набитыми снедью. Время было «брежневское», застойное, на сто рублей можно было набить любую сумку провиантом.

Тронулись, ребята побренчали лениво на гитаре и сели играть в карты – вечные спутники всех путешествующих. Остальные пассажиры дремали, сумки покачивались в такт движению. Прохлада осенней ночи врывается в вагон после очередной остановки, сон сам по себе отступал. По вагонам прошагал милицейский наряд, оглядев пассажиров. Разбудил женщину, спящую на крайнем к двери сиденье, ушли, хлопнув дверьми; она улеглась опять, поджав крепкие в шерстяных носках ноги.

Мелькали столбы, текло время.

И вдруг ночную сонную мглу разбудил и будто раздвинул голос, поющий нелепо звучащую этой холодной осенней ночью песню из репертуара Аллы Борисовны, то бишь Пугачёвой:

Вся земля теплом согрета,
И по ней я бегу босиком.
Я пою, и звёзды лета
Светят мне даже днём, даже днём.
Я так хочу, чтобы лето не кончалось...

Мотив песни она безбожно перевидала и пела одну из «коронки» Пугачёвой с подвыванием, как поют белгородские и брянские старухи надрывные русские песни. Это было так необычно, что все повернули головы в сторону поющей, которая продолжала лежать на скамье.

– Да замолчишь ты, нуда чёртова? – раздался вдруг голос сутулого и небритого мужичонки, сидевшего спиной к поющей. Смахивал он на сельского пастуха или сторожа.

Взгляд был воспалён. Он ещё на остановке в Лихославле достал из кармана старенькой фуфайки бутылку «Кавказа» и выпил добрую половину, и теперь пьяно-сонным взглядом смотрел в окно.

– Да пусть поёт, – загалдели пассажирки-женщины, – уж больно хорошо и жалостливо у неё получается.

Мужик зло ощерился, – зубы были прокуренные и редкие:

– Надоела, как горькая редька, чучело слепое, – мужик зло матюгнулся.

– Да заткнёшься ты, наконец, проклятая?!

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 4).

Он встал и ткнул злым кулаком бок лежащей женщины, видимо, его жены. Она замолчала, поднялась, села, машинально сунула ноги в короткие простенькие полусапожки.

– Да что ты, Ваня, – заговорила она со своим спутником певучим и сочным голосом.

Повернулась лицом к мужу, и все, кто следил за их скандальным диалогом, увидели её лицо – круглое с курносом толстым носом, пухлыми губами; на месте, где у всех под бровями светились глаза, – были узенькие щелки. Женщина была слепой.

Она виновато улыбнулась мужу, который с нескрываемой ненавистью смотрел в её лунообразное лицо. Тот плюнул, закурил «Приму» и вышел в тамбур.

Женщина сбросила сапожки на пол и опять улеглась, аккуратно подобрав платье. И снова запела:

Я так хочу, чтобы лето не кончалось,
Чтоб оно за мною мчалось...

Все слушали с каким-то жутким вниманием, женщины переглядывались и перешёптывались. Ребята с гитарой, смеясь, подбадривали:

– Давай, баб, шпаришь не хуже Алки!
Мелькнули Колодези, скоро Торжок.

Все засобирались. Поднялась слепая женщина, вернулся из тамбура её муж, снял рюкзак с полки.

Кто они? Куда несёт их судьба?

Когда я слышу эту песню по радио, сразу вспоминаю ночную электричку, полупустой вагон, сумрачного и злого мужика в фуфайке и слепую женщину с её берущим за душу голосом:

Вся земля теплом согрета
И по ней я бегу босиком...

Я представляю её светловолосой крепкой девчонкой, бегущей по пыльной дороге. Всё у неё ещё впереди – и счастье жизни, и горе слепоты, и злой муж, и эта ночь, и песня в холодном вагоне.

**Василий
Мионов**

• Большое

Татьяна Лапко,

Андреаполь – В. Луки

ПОДСОЛНУХИ

Над подсолнухами зори,
От огня в глазах рябит,
Где искать счастливой доли?
Просто много солнца в поле, –
Ополченец говорит.
Над подсолнухами грохот,
Канонада вновь ревёт,
Автоматный слышен хохот:
Та-та-та – всем будет плохо,
Бей своих, беги народ!
Убивают! Что такое?
Душу как спасти свою?
Нет подсолнухам покоя,
Умирают в поле, стоя,
В вольно дышащем краю.
Ветер в города и сёла
Внёс раздор из-за морей,
Был народ всегда весёлый,
А теперь босой и голый
Плачет о земле своей.
Кровь сгущается у раны,
Вновь цветы ложатся в гроб,
Люди алые тюльпаны
Ставят в вазы и стаканы,
От печали бьёт озноб.
В дом родной беда стучится,
Вызревает в сердце месть,
Прокричала зычно птица,
Облака и небылицы
Проплывают – всех не счесть.
Над подсолнухами ветер,
Семена летят вразнос,
На войне взрослеют дети,
Хрупок мир на белом свете,
Ты спаси его, Христос!

Пётр Бобунов,

Нелидово

* * *

Как будто детская забава
уже аукнулась в Одессе
(а в заявлениях для прессы
нет никого, кому не жаль).
Теперь уже на самом деле
добиты, кто не догорели,
и "Хто не скаче, той москаль!!!»

• Молодые голоса

Артем Сидой

РЕАЛЬНОСТЬ

Реальность – тетрадный листок,
тени ползут на восток,
превращаются в кровосток.
там, где утром рожала заря.
трубы заводов чернью горят
в назидание октяблям.
Тем, что ордой толпятся у двери.
Я теперь вряд ли, конечно, поверю
тебе и лживому лету:
Ты обещала быть до рассвета,
оно – до зимы, но так же ушло,
когда солнце свалилось к тучам в мешок.
В колонках кривлялся панк-рок,
плясал паутиной на потолке.
Лист от чернил изрядно промок,
Авторучка в правой руке
бумагу жалила тысячей жал...
кто-то за стенкой обкуренный ржал,
сверля себе дымом висок.
Он, как и я, не попал на Вудсток,
впрочем, как и наши родители
(в то время Соц-
Ком-
Спорт-
Парт-
победители).
С тех
пор
мир
– плёнка в повторе,
Её разорвать не составит труда.
Рецепт: рисуем-построим
танки, «катюши», морские суда...
летят из чернил дирижабли и пули,
кляксами трупов расцветают поля –
В клетках земля... за стенкой уснули...
Значит, пора прекращать всё и я
на руинах
рейхстагов,
Кремлей,
Ватиканов
и всех военно-политических кланов
в угоду любви, пропавшей без вести,
пишу троекратное
«НЕНАВИСТЬ!
НЕНАВИСТЬ!
НЕНАВИСТЬ!»

Грустные и злые, говорят, стихи
я пишу, ведь радость за мои грехи
руки наложила на себя в душе.
Я в сады Эдема не прошусь уже.

Ну а как иначе? Ведь я зол и мне грустно –
как в полночном трамвае в тетракамерном пусто.

Стоит задуматься: что-то не так,
где же был в жизни в сторону шаг?

Я часто гуляю один по проспектам,
улицам, скверам, паркам и там

вижу людей заведомо верно
вбитых, как колья, по нужным местам.

Где же ты, Бог, начертал своим мелом
имя моё, седовласый? – так смело

крикну тебе, ища своё место, –
И не запутался ль всуе с тем тестом,

коим меня ты лепил так нелепо?
и воплотился ль в того человека,

стать я которым по-твоему должен?
Будто бы занял чью-то я ложу

в обременённом времени и в страннейшей стране
в ороговевшей раковине тела, мне

кажется, что это снится наяву.

Ты есть или нет, спасибо, что живу.

ЗАБВЕНИЕ

Впоследствии вряд ли кто-то

запомнит наши имена,

оживающих по субботам,

заполняющих города

миллиардами одиночеств.

Не запомнит и наших отчеств,

не запомнит, как мы любили,

и совсем никаких фамилий.

Вечность, эта вселенская тварь,

поглощает нас, как конфеты,

перелистывает календарь

со скоростями света.

Остаёмся опять в дураках –

Ах!

убивая свой страх,

преобразуемся в прах,

покупаем незримо билеты

туда, где вечное лето,

А может ничего и нету.

А может, открывая газету,

поймёшь, что жизнь есть пролог,

наткнувшись на свой некролог.

Всё вокруг: дворцы, мавзолеи,

даже стихотворения тлеют.

Но роЯсь в геометрии зданий

и ловя паутинки фраз,

Никогда! никогда не узнаем

не забудут ли в будущем нас.

• Гости клуба

Валентина Карпицкая,

г. Тверь

НОЧЬ

Травы тонут в обильной росе.
Темнота затопила округу.
Засыпая, становятся все
до утра безразличны друг другу.

Не ложусь я поэтому спать...
И порой молчаливой ночью
на балкон выхожу и опять
в размышленьях тону под луною.

Вы же видите сны в этот час,
одеяло накинув привычно,
и обидно чуть-чуть, что сейчас
вам я тоже совсем безразлична.

Тонут звёзды на дне облаков,
и была б я совсем одинока,
если б стайки ночных мотыльков
не толклись у фонарного ока.

ШОКОЛАДНЫЕ ГЛАЗА

Хоть и солнце, но прохладно –
никого на берегу.

В юбке тёмно-шоколадной
на свидание бегу.

Блещут в радугах фонтаны.
Обсыхают лип ряды.

Сыплют под ноги каштаны
Шоколадные плоды.

Осень красит клёны охрой.

Солнце плещется в реке.

Ты стоишь в рубашке мокрой
с шоколадкою в руке.

«Ждёшь давно? – спрошу с участием, –
Я подумала... гроза...»

Мне навстречу вспыхнут счастьем
шоколадные глаза.

И замрёт душа от взгляда!

Ну и пусть теплом день скуп,
в сто раз слаще шоколада

Поцелуй горячих губ.

ЭТА КОФТОЧКА С РОЗОЙ ЧАЙНОЮ

...Распахнула на кухне форточку –
холодок потёк по избе.

Повернувшись, сказала: Кофточку
я купила вчера себе.

Подбоченилась: Как? Хорошая?

Тут оборочка, тут цветок.

Мне досталась она задёшево,

продавец уступил чуток.

Приумолкла я выжидательно...

Улыбнулись Вы: – Подойди!

На цветок посмотрю внимательно,
распустившийся на груди.

Роза чайная, знаю точно я.

(Прикоснулась к цветку рука)...

– О... Какая тугая, сочная...

Целовал бы её века!

Задохнулась я от волнения,

ни жива стою, ни мертва...

Эти Ваши прикосновения...

Эти Ваши, как мёд, слова...

Эта кофточка с розой чайною...

Потеряла я с ней покой.

Не купила б её случайно я,

Не узнала б, что Вы такой!

ПЕЛЬМЕНИ

Ты шепнул на перемене

то ли в шутку, то ль с уловкой:

«Приходи ко мне. Пельмени

я готовлю очень ловко.

Теоремы, аксиомы...

Ну их к чёрту! Случай редкий:

никого не будет дома.

На два дня уедут предки.

– Ты взаправду? А экзамен?

Лишь два дня на передышку...

Засмеялся ты глазами:

– Ну бери с собою книжку...

Плащ повесила на стуле.

Солнце спряталось за шторку.

Ты без лишних слов кастрюлю

важно поднял на конфорку.

А потом изрёк: «Терпенье.

Будет яство в скором часе.

а пока кипят пельмени,

полчаса у нас в запасе».

Ах, часы шальные эти!

До сих пор мороз по коже...

Ты шептал: «Ведь мы не дети».

Я в ответ шептала: «Кто же?»

Ветерок такой весенний

дул в открытые окошки,

Целовал ты мне колени...

Целовал ты мне ладошки...

И с закрытыми глазами

мы лежали в полной лени.

Я забыла про экзамен...

Ты не вспомнил про пельмени.

• На конкурс: «Это было со мной в Андрееполе»
МНЕ БАБУШКА РАССКАЗАЛА...

«Пошла я в восемь лет в школу. Учительница дала книжки для первого класса. Мне они очень понравились (торбу для книг мама сшила из старого холщового мешка). До школы надо было идти четыре километра, она располагалась на хуторе. С осени долго ходили босиком (а весной по проталинам бегали). Когда осенью совсем стало холодно, начались заморозки, старший брат Саша сплёл красивые лапотки из льняных верёвочек, мама дала белые портянки и соткала красивые оборы, дала какую-то пальтуху, на голову платок.

В школе учиться было интересно. Писали уже в тетрадях, для первого класса, чернилами (а в войну и после старший брат Коля писал свекольным соком на газетах, тогда тетрадей не было). Долго читать не получалось по слогам, помогала соседка, хорошо понимала математику. Первый учитель Иван Николаевич Боборыкин хвалил, называл: «Куколка моя». С собой брали в школу перекусить: чекушку молока, пышки из тёртой картошки. Бывало даже – украдут, сию и плачу, что осталась голодная. Училась сама, помогать было некому, но оценки были хорошие. После четвёртого класса сдавали экзамены в Даньковской школе, и после седьмого, всё были четвёрки и пятёрки, только по физике тройка.

Когда ходила в пятый класс, мама Дуня лежала в больнице в деревне Внуково, я сама вела всё хозяйство. А с мамой Дуней был такой случай. В больнице сказали, что на ужин будет пюре с капустой, вечером принесли толчёную картошку, а Дуня не кушает. Её спросили: «Почему не ешь?». А она говорит: «Я жду пюре». Не знала деревенская женщина, что толчёная картошка и есть пюре.

Ещё помню: к Новому году мне сваяли валенки, шла в них и не дышала, под горки на попе ехала, валенки берегла. И ещё был случай: весной разлилась река – переходить страшно. Нашла длинный шест, привязала платок вместо флага и на горе размахивала им и кричала: «Помогите!». Один мальчик услышал и прибежал на помощь, сломали палки и шли в поршнях по колено в воде.

После школы работала няней у девочки Тани, дочери хирурга Шалыгина в посёлке Серёжино, потом была проводником в поездах, побывала в Сочи, Архангельске, Крыму, Новороссийске, Краснодаре, Москве, Павлодаре, Новосибирске...

В городе не понравилось, приехала в Серёжино, работала сестрой-хозяйкой в больнице, потом поваром, работала в пекарне в деревне Болотово, завмагом в деревне Плешково, дояркой в деревне Ноздрино.

Приходилось работать почтальоном, телятницей, кассиром в колхозе "Передовик".

В 1972-м году жила на Украине в Макеевском районе в совхозе "Грузской" – была телятницей. А у них было принято нести с телятника кто что может: молоко, свёклу, комбикорм (дэртъ). Кто не брал, того боялись, что предадут, вот была вынуждена в банке трёхлитровой нести домой молоко. Шла и боялась, что поймут, и стыдно было, потому что к воровству не приучена.

Сейчас занимаюсь цветами и вяжу коврики».

Вот такая у меня бабушка, у неё пять детей, семнадцать внуков, трое правнуков. Счастливый человек моя бабушка, было бы здоровье!

Лицкевич Дмитрий,
6 класс Скудинской школы.

Дима постарался передать рассказ бабушки, как он был, сохраняя её речь, очень характерную для жителей того уголка Андреевского района. Мы тоже не стали ничего менять, кто лучше, чем сам герой, может передать историю своей малой родины в конкретный отрезок времени.

Светлана Виноградова

МЫШЬ

Рассказ

Известны случаи, когда животные, в том числе и дикие (не говоря уже о домашних), в момент опасности обращаются за помощью к людям. Так делают зайцы, загнанные лисой; сама лиса и даже волк, попавшие в капкан; читала я о лосихе, которая привела людей к своему детёнышу, придавленному упавшим деревом. Но вот чтобы мыши искали сочувствия у человека, не слышала никогда. А потому до сих пор не перестаю удивляться тому, что произошло со мной много лет назад.

Так сложились обстоятельства, что одно время мы вынуждены были жить на съёмной квартире. Всё бы ничего, но уж очень донимали крысы. Сын был ещё маленький, и я с тревогой просыпалась среди ночи, проверяя ребёнка. Мне сказали, что крысы могут забираться в кровати к малышам. Мысль об этом приводила меня в ужас. Терпению пришёл конец, когда одна из этих тварей едва не сбила с ног Артёма: застигнутая утром на кухне, она стремительно убежала по коридору по направлению к ванной. Истребляли мы их нещадно: одну изловили в мусорном ведре, другую – в газовой плите, попадались они и в мышеловки...

Кто-то дал совет не оставлять в открытом виде ничего съестного на кухне. Стала тщательно убирать еду: нигде – ни крошечки! И в одно прекрасное утро не обнаружила мыла на кухонной раковине, а от герани, что стояла на подоконнике, остался один стебелёк – все листья были съедены... Когда нам предложили снять квартиру в этом же доме, но на втором этаже, тут же переселились в надежде избавиться от отвратительных «квартирантов».

Действительно, вздохнули с облегчением: крыс не было. Но ... их сменило несчётное количество мышей. Некоторые особи были до того обнаглевшие, что забирались на обеденный стол, невзирая на наше присутствие. На высоком холодильнике стояла объёмная и глубокая деревянная хлебница. Так эти проходимки умудрились в ней поселиться и даже свить гнёздышко. Я без конца всё мыла и дезинфицировала, выметала, вытирала, вытряхивала... и чуть не плакала. Покупайте отраву, сказали нам, и раскладывайте по квартире! Так и сделали. А то, что произошло два дня спустя, до сих пор вспоминаю со смешанным чувством удивления и жалости.

Дома никого не было: Артёма уводили к бабушке, Николай находился в отъезде, а я прибежала на обед (тогда уже работала). Чтобы не испачкаться, быстренько сменила юбку на спортивные брюки и встала к плите разогревать что-то на сковородке. Думами вся-в делах, и не сразу почувствовала, будто кто тихонько трогает внизу за брючину. А когда глянула – обомлела: у самой моей ноги на задних лапках стоит, пошатываясь, мышка, а передними тянется ко мне... От неожиданности чуть ложку не выронила. Честно признаюсь, растерялась, раздираемая совершенно противоположными желаниями: спасти загубленное мной существо или же «пристрелить, чтобы не мучилось». Выбрала третье. Сгребла мышь веником в совок и вынесла на улицу. Может, думаю, очухается и грех с моей души снимет. Шутки шутками, а и сейчас перед глазами, как тянется ко мне несчастное создание в надежде на спасение.

...Вскоре мы покинули наше временное пристанище и поселились у родителей.

У ТРОИХ ЕЩЁ СПИТ...

Рассказ

Юрий Петрович Колонков не любил строительно-хозяйственных магазинов, как и работ. Гуманитарий не только по диплому, но и до мозга костей, он предпочитал, чтобы в его доме ремонт выполнялся руками нанятых профессионалов. Но, находясь в городе своей студенческой молодости по пенсионным делам, решил завернуть в хозотдел за некоторой мелочью. Благо времени до электрички было с лихвой.

Неловко пробираясь между тесными малоосвещёнными прилавками, перебирая шурупы и болтики, почувствовал вдруг на себе настойчивый взгляд. К нему внимательно присматривалась миловидная женщина примерно его возраста. Куда бы он ни направлялся, она поспешно следовала за ним.

Вначале это забавляло. Он начал прикидывать, чем обязан такому настойчивому вниманию. «Неужели ещё могу притягивать взгляды незнакомок», – смутился он, непроизвольно приглаживая реденеющие височки перед зеркальной витриной.

– Юра... Юрий, простите, не помню по отчеству... Это вы? Ты? Колонков? Узнать очень трудно, столько лет прошло...

И, не давая опомниться откликнувшемуся на своё имя Юрию Петровичу, незнакомка ошаршила его вопросом:

– А где же Коля мой? Что вы так смотрите, Николай где, муж мой?

Не дождавшись от ошаршенного мужчины ни слова в ответ, она вдруг засмеялась, признав свою оплошность, и затараторила так быстро, будто хотела вместить в короткий миг многие годы:

– Да что же это я... Вы... Ты меня, конечно, не узнал. Людмила я. Люда. Коли Игнашева жена, друга твоего школьного. Ты на свадьбе у нас был, помнишь? Коля-то где? Почему вы не вместе?

Юрий Петрович вспомнил, конечно же, да он и не забывал никогда, Кольку Игнашева, своего школьного приятеля-обормота. Они после школы вместе уехали из Берново поступать в областной город. И поступили – Колька в политех, Юрка – на иняз Тверского университета. Но почему его жена, которую он тоже стал вспоминать теперь, думает, что Игнашев непременно должен быть с ним? Они лет двадцать не виделись после того, как Игнашев, обосновавшийся в областном центре, продал родительскую усадьбу в родном посёлке. Колонков же, живущий постоянно в Рыбинске, долго ещё наезжал в родное Берново. Но годы, ухудшающееся здоровье, а главное – тяготившие расходы заставили Юрия Петровича продать отчий дом. Было это лет двенадцать назад. Больше судьба приятелей не сталкивала.

Только он хотел объяснить всё это Людмиле, как она озадачила его новым вопросом:

– Он что, один там печь у тебя ремонтирует, а ты здесь по магазинам гуляешь?

– Печь? У меня в Рыбинске?

– Почему в Рыбинске? Он к тебе в берновский дом три дня назад уехал, печь чинить... Полный кузов инструментов погрузил...

Дело приобретало новый оборот. Неужели этот ходок всё никак не успокоится? Сколько раз он в молодости подставлял Юрку, заставляя прикрывать свои похождения. Сердиться и призывать Кольку к совести было бесполезно. Всякий раз он ссылался на расхожий анекдот, в котором жена, впусившая мужа домой под утро, начинает обзванивать его друзей, желая уличить его во лжи. Оказывается, что у двоих он ночевал, а у троих ещё спит. Анекдот подавался как пример истинной мужской дружбы.

Юрий Петрович чувствовал, что благодаря бывшему приятелю угодил в подобную историю. И на этот раз ему было стыдно как никогда. Но что ж ответить? Сказать правду, и пусть выпутывается, как знает? Лгать в свои почтенные годы, выгораживая этого старого ловеласа? Но как? Ведь он ничего не знает о Кольке и его сегодняшних делах.

Людмила, чувствуя неладное, схватилась за телефон:

– Коля, алло, я ничего не понимаю. Почему Юра здесь один, без тебя?

– Юра? Какой Юра? Ах, Колонков! Дай-ка ему трубочку быстренько, – на расстоянии загромычал в мобильном густой Колькин бас.

– Ну, Колонков, умеешь ты быть всегда некстати и невпопад. Столько лет не возникал на горизонте – и на тебе, на жену мою нарвался. Слушай сюда, – уже почти шёпотом внушал он Юрию, – я к тебе в Берново, не делай удивлённое лицо, уже восемь лет езжу. Помогаю другу, у которого руки и кое-что ещё растут не из того места. Не вздумай сказать, что дом уже давно продан. Понял? Скажи Людмиле, чтоб успокоить, будто ты не знал о её осведомлённости насчет моей помощи, потому и темнил. Понял? Я тут у Верки... Печки чиню и трубы прочищаю (он пошловато хохотнул). Ну, помнишь, Викулова Верочка? На четыре года младше нас училась... До сих пор прехорошенькая! Ну, всего, давай там, выкручивайся, раз заварил...

И когда Юрий Петрович, опустив глаза и запинаясь, начал было объясняться с Людмилой, она, выставив обе руки ладошками вперёд, будто защищаясь, прервала его:

– Не надо, я всё поняла, вы не хотели подвести друга.

Маргарита Петрова

• Невыдуманные истории

ПРОЗРЕНИЕ

Это был 1972 год – год открытия Калининского сельскохозяйственного института. Абитуриенты заполнили студенческое общежитие. Перед вступительными экзаменами были организованы месячные подготовительные курсы. Выпускники школ с большим интересом знакомились друг с другом. Новые впечатления, новые друзья вызвали столько положительных эмоций.

Среди абитуриентов особо выделялась Надежда Андропова. Она была редкая красавица с большими карими глазами. Не один парень заглядывался на нее, но она, на удивление всех, отдала предпочтение грузину Шалико Спиридонову. Многих ровесников Надежды это очень возмутило. Шалико был небольшого роста, ниже Надежды, неказистый. Да к тому же в те годы людям не нравилось, что девушка встречается с парнем кавказской национальности. И разница в возрасте у них была существенной. Шалико шел 25 год, Надежде было всего 17.

Но какая у них была любовь! Какими глазами они смотрели друг на друга! Неслучайно говорят, что когда любовь – это всегда видно. Они даже не обращали внимание на то, что идут вступительные экзамены и нужно к ним основательно готовиться. Умница Надежда сдала их без проблем, а вот Шалико не выдержал и первого экзамена. Он плакал, представляя, что теперь грядет расставание со своей любимой, и ему придется возвращаться в Грузию.

Но потом Шалико решил во что бы то ни стало, остаться в стенах вуза, пусть даже и рабочим. Он стал учиться на подготовительном отделении, а вечерами трудился кочегаром. Любовь к Надежде не стала от этого меньше. Они по-прежнему не могли друг без друга. В одной из таких встреч Шалико предложил Надежде остаться у него ночевать. Она, конечно, не согласилась. Придя домой, девушка все обдумала и решила устроить парню скандал. Как он мог предложить ей такое! Ведь их отношения были очень чистыми.

Но скандал устраивать не пришлось. Надежда больше Шалико не видела. Он, без всяких объяснений, прекратил с ней отношения. Окружающие не могли в это поверить. Даже видавших виды парней это очень возмутило и удивило. Как после такой любви можно было обходиться без этого человека!

Подруги Надежды пришли к Шалико и устроили ему допрос. Почему он обманул девушку? Он ответил: «Обмануть можно только физически. У нас с Надей близких отношений не было».

Тогда он пришел к Надежде и сказал ей, что она любит его не так, как ему нужно. Они стояли в коридоре общежития друг перед другом на солидном расстоянии и объяснялись. Было непривычно видеть красавицу Надежду и неказистого Шалико, порвавшего с ней любовь. Создавалось впечатление, что они в одночасье стали чужими.

Шалико не терял времени даром. Он пытался встречаться то с одной, то с другой красавицей в общежитии, но все отвечали ему отказом. Надю, так долго страдавшую по нему, это очень удивило.

– Я не удивляюсь, что он «кадрится» то к одной, то к другой девушке. Это вполне закономерно. Не будет же он один. Но меня удивляет, что это счастье, из-за которого я столько пережила и перестрадала, никому не нужно.

У Надежды, как и всегда, поклонников было много. Провожая своего парня в армию, она говорила: «Знаю, что не дожусь его. Но как ему это объяснить. Всегда легче, когда тебя бросают. Бросил меня Шалико, и этим все решилось. И это избавило меня от всякой ответственности, хоть и горько мне было».

Парня того она, действительно, не дождалась. Вышла замуж за красавца Александра, своего однокурсника. Родила ему троих детей. Жили они в Рязанской области.

Однажды, на встрече выпускников вуза, в толпе парней, она увидела Шалико. Ее это удивило, поскольку он выпускался на год позднее. Оказывается, приехал он на встречу неслучайно. Он желал увидеть Надежду. Пригласил ее на вальс и сказал, что не так давно понял, что всю жизнь любил только ее.

Что двигало им тогда, в те далекие годы? Ведь только он был инициатором разрыва. Может быть, не захотел связывать себя серьезными отношениями? Для всех это осталось загадкой.

Г. ЕРМОЛАЕВА

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Вова проснулся от запаха дыма. В комнате было темно и тихо. Чуть слышно похрапывала Света, эротично разметавшись поверх атласного одеяла. Зелёными цифрами мерцал электронный будильник. Часы показывали 03:26. Рядом с будильником стоял недопитый фужер, обвитый, как шарфом, чёрными капроновыми колготками. Вечер явно удался.

Дымом, между прочим, пахло вполне отчётливо, и Вова сначала подумал, что это опять где-то жгут уголь и дым натянуло в открытую форточку. Он спустил ноги с кровати и, прошлёпав к окну, отдернул штору. Странно, но форточка оказалась закрытой.

Вова почесал в затылке и попытался подумать. Это ему не особо удалось, так как в голове у него ещё карусельно кружились отголоски их со Светкой безумного вечера. Хотелось пить. Вова открыл форточку и, немного подышав морозным воздухом, двинулся на кухню. Он пересёк комнату и, подойдя к двери, ведущей в коридор, распахнул её.

И в ту же секунду огненный вихрь ворвался в спальню. Вова шарахнулся, но язык пламени из коридора уже успел достать и облизать его. Вова почувствовал, как от жара затрещали волосы по всему телу. Мгновенно вспыхнуло кресло, стоявшее возле дверей и ковёр на стене. Комната быстро наполнялась удушливым дымом. Вскочив на кровати, дико завизжала Света...

Спустя несколько секунд молодые люди уже стояли на балконе. За окном, в квартире, бушевал огненный ад. Света цепко держала Вову за руку и быстро повторяла шёпотом: «Господи!.. Господи!.. Господи!..» Глаза у неё были совершенно круглые. Вова вдруг ощутил, что у него мёрзнут ноги и, с трудом оторвав взгляд от завораживающего законного зрелища, оглядел себя. И тут он понял, что, во-первых, стоит босиком на снегу и, во-вторых, что они оба оказались на балконе, на двадцатиградусном морозе, в том, в чём уснули после любовных вечерних утех: он – в короткой, чуть ниже пупа, майке с надписью «PERESTROYKA»; а Света – в шикарных красных босоножках на высоченных тонких каблуках.

За окном ярко вспыхнула штора. В открытую форточку, как грозящая рука, просунулся оранжевый язык пламени. Вова понял, что балкон – это тоже не самое безопасное место.

Этаж был второй. До земли, в общем-то, было всего ничего, и молодые люди решили прыгать.

И вот тут Вова допустил роковую ошибку.

Ему надо было сначала спустить с балкона свою подругу, а потом уже спрыгнуть самому. А он решил действовать по старому командирскому принципу: «Делай, как я!».

Вова быстро перелез через перила, повис на балконной решётке на руках и легко спрыгнул вниз. Снег под балконом не был утоптан, и приземление получилось совсем мягким.

– Давай, перелезай! – крикнул Вова и приготовился встречать подругу на земле.

Но Света, оставшись одна, растерялась и поддалась панике. С криком «Вова, сними меня отсюда!..» она заметалась по балкону, тряся перила и взметая босоножками снег. Вова с земли тщетно пытался докричаться и образумить её – Света уже ничего не слышала. Подняться назад на балкон не было никакой возможности, и Вове оставалось только орать снизу и махать руками, стараясь привлечь Светино внимание.

В это время лопнуло оконное стекло. Языки пламени и чёрные клубы дыма вырвались из квартиры наружу, и Света вконец обезумела.

– Прыгай!!! – заорал снизу Вова и увидел, как Света, наступив на какой-то ящик, стоявший на балконе, лихо вскочила на балконные перила, на секунду застыла на них, балансируя и размахивая руками, а затем, сильно оттолкнувшись, подпрыгнула, как будто хотела набрать ещё дополнительной высоты, и с криком раненой чайки рухнула вниз.

Вова остался джентльменом до конца. Он кинулся вперёд и мужественно попытался поймать свою падающую подругу...

Приходилось ли уважаемому читателю ловить мешок с цементом, сброшенный со второго этажа? А связанные между собой две двухпудовые гири? Если нет, то не стоит экспериментировать. Достаточно неудачного опыта капитана Х.

Света прыгала ногами вперёд. Как помнит внимательный читатель, на ногах у Светы были босоножки на высоких каблуках. На Вову падал снабжённый каблуками-шпильками мешок с цементом.

Если продолжить сравнения, то это было похоже на положение тореадора, на которого, выставив рога, мчится разъярённый бык. Разница заключалась лишь в том, что тореадору надо от рогов увернуться. Вове же надо было быка поймать.

Светины каблукы вспороли героя-любовника от подмышек до колен. Кроме того, Света, грянувшись на своего спасителя, разбила ему всё лицо, а сама, отлетев от удара в сторону, упала на бок, сломав себе при приземлении ногу.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Когда на место происшествия прибежали первые свидетели, их взору открылась жуткая картина: в свете вырывающегося из окна пламени они увидели стонущую обнажённую женщину, лежащую на залитом кровью, истоптанном снегу, и ползающего вокруг неё на четвереньках, с ног до головы окровавленного, дико матерящегося мужчину в разодранной короткой майке с надписью «PERESTROYKA»...

Пожар, как потом выяснилось, возник от слабого знания капитаном Х. законов электротехники. Провод удлинителя, протянутый им от розетки в коридоре, не был рассчитан на подключение мощного «козла», который теплолюбивый Вова установил у себя на кухне. Провод накалился, потом загорелся, следом загорелся ковёр, на котором лежал этот провод, ну и пошло-поехало...

А свадьба между молодыми людьми так и не состоялась. То ли Света не простила Вова своей сломанной ноги. То ли Вова не простил Свете своих порванных подмышек. Не знаю. Когда я через полгода после описанных событий уезжал из Орловки, и Света, и Вова встречались уже совсем с другими партнёрами.

Что касается дальнейшей судьбы капитана Х., то он до сих пор холост и до сих пор притягивает к себе взоры женщин на пляже. Но притягивает он их уже не своей безупречной фигурой – годы сделали своё дело, и стройный мачо превратился в полноватого, с животиком, солидного лысого мужчину, – а двумя страшными шрамами, протянувшимися с обеих сторон его тела от подмышек до колен. Правда доверчивым женщинам Вова объясняет, что получил эти ужасные шрамы в неравном воздушном бою...

Заканчивая повествование о жилищных условиях, в которых существовали жители Орловского гарнизона, мне бы хотелось упомянуть ещё об одном явлении, без которого бытописание это было бы недостаточно полным. Речь ниже пойдёт...

О крысах

Нельзя сказать, что крысы в Орловке были какими-нибудь особенными. Они не отличались ни особо крупными размерами (в Черниговском училище, на овощном складе, я видел крыс, величине которых позавидовал бы и иной кот!), ни каким-нибудь своим запредельным количеством (однажды в Миллерово меня занесло в зернохранилище после того, как в нём протравили крыс – так там весь пол, как ковром, был устлан серо-коричневыми тушками). Крысы в Орловке просто БЫЛИ. Они жили вместе с нами в наших домах, и с этим фактом, воленс-неволенс, приходилось считаться.

Крысы в Орловке обитали в подвалах и, естественно, что ближе всего общаться с ними приходилось жителям первых этажей.

Наша холостяцкая квартира, напомним, также находилась на первом этаже, и мы вступили в контакт с длиннохвостыми грызунами с первых дней нашего проживания в ней.

Крысы попадали в нашу квартиру через дыры в деревянном полу, которые они прогрызали с удивительной быстротой. Во время ремонта квартиры мы тщательно заделали все старые норы, но в первую же ночь на новом месте, мы были разбужены громким хрустом, доносящимся откуда-то из-под пола. А наутро за шкафом мы обнаружили в половых досках свежевыгрызенное круглое отверстие. Дыру заделали, но на следующий день за диваном появилась другая. Заделали и её. Крысам понадобилась ещё всего одна ночь, чтобы прогрызть третью. Мы поняли, что надо менять тактику.

Мы прекратили заделывать дыры и стали ставить крысоловки. Мы специально съездили за ними в Белогорск и, привезя пять штук, расставили их во всех трёх комнатах, на кухне и в коридоре. Однако затея не увенчалась успехом – крысы игнорировали наши охотничьи приспособления. За всё время использования нами крысоловок в них попало от силы две или три крысы. Я полагаю, самые глупые. Умные грызуны спокойно обходили наши ловушки. Крысы искали еду. Они прогрызли наш кухонный стол, где обычно лежало печенье, они прогрызли наши тумбочки, где можно было пожить какими-нибудь конфетами или сухофруктами, они прогрызли даже наши, стоявшие на шкафу, чемоданы, где хранился получаемый нами по «реактивному» пайку шоколад. Шоколад крысы особенно любили. Но в крысоловки они не шли даже за шоколадом. В общем, затея с ловушками с треском провалилась.

Тогда мы попытались крыс травить. Но эти хитрые бестии отказывались жрать отравленные приманки, а продолжали жрать печенье, сухофрукты и шоколад. Я, кстати, на их месте поступил бы точно так же. Ещё чего – лопать всякую гадость, когда в квартире полно экологически чистых продуктов! Таким образом, затея с отравой также не выгорела.

И тогда мы вспомнили, что мы – тоже животные. Что по природе мы – хищники, причём хищники крупные. И мы стали охотиться на крыс вживую.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 12-13).

Тактика этой охоты была такова. В каждом помещении была оставлена в полу только одна крысиная дыра. Причём та, что находилась в доступном месте. Приманка – а это обычно был кусочек шоколада, завернутый в фольгу, – размещалась в точке, максимально удалённой от норы. Услышав – а дело чаще всего происходило ночью – что крыса шуршит фольгой, мы вскакивали и быстро затыкали дыру. Крыса оказывалась в ловушке. После этого мы, уже не спеша, включив свет и надев меховые лётные перчатки, которые крысы не могли прокусить, начинали охоту на грызуна. Здесь были важны знание крысиных повадок и быстрота реакции. Крыса никогда не паниковала и не металась по помещению. Она затаивалась за каким-нибудь предметом и ждала до последнего. Заметив, где спряталась крыса, мы осторожно занимали удобную для атаки позицию и, резко отодвинув предмет в сторону, хватили крысу рукой. Пойманная крыса отчаянно пищала и пыталась прокусить перчатку. Но тщетно. Грызуна тут же наскоро судили военно-полевым судом и неизменно – по законам военного времени – приговаривали к высшей мере наказания. После этого крыса каким-либо способом умерщвлялась и выкидывалась через форточку на улицу, на радость орловским котам. Спустя пару недель мы «насобачились» в охоте до такой степени, что ловля крыс стала для нас совершенно рутинным занятием и каждый подобный эпизод занимал по времени от силы три-пять минут. Месяца за два мы заставили крыс поверить в то, что шутки с нами плохи, что мы – опасные хищники, и совершенно отвадили грызунов заходить на нашу территорию. Так что визиты крыс стали в нашей квартире делом редким и, я так понимаю, случайным.

Совсем по-другому складывались мои взаимоотношения с крысами в квартире, которую я получил после женитьбы.

Наша с женой квартира располагалась на третьем этаже, и крысы проникали в неё по коммуникационной шахте, где пролегли водопроводные трубы. Шахта эта проходила за одной из стенок кухни, как раз за мойкой. Прогрызать крысам ничего не пришлось, так как в стенке шахты уже имелось отверстие размером примерно со школьную тетрадь. Замуровать это отверстие я никак не мог, поскольку по прихоти какого-то неизвестного строителя, какого-то особо хитроумного «янычара», кран, перекрывающий воду в нашу квартиру, находился внутри этой шахты, как раз за упомянутым отверстием. Поэтому крысы совершенно спокойно приходили по шахте в нашу квартиру и, проникнув под мойку, где стояло помойное ведро, устраивали в этом ведре свои шумные пиры. А в тех случаях, когда в ведре было пусто, они в поисках съестного начинали шастать по всей кухне.

Жена моя крыс не любит. Особенно она не любит, когда крысы решают помочь ей в её кухонных хлопотах. И я её прекрасно понимаю. Я сам периодически вздрагивал, когда, включив вечером свет на кухне, обнаруживал нагло сидящего на обеденном столе хвостатого грызуна. Да, я признаюсь – я вздрагивал, несмотря на мои железобетонные нервы лётчика-истребителя. Что тогда говорить о реакции на подобные неожиданные встречи молодой хрупкой женщины. Разумеется, реакция эта была по-женски гораздо более непосредственной и эмоциональной, включая традиционный для таких случаев женский визг и метание вслед грызуну разнообразной кухонной посуды. Не будем лукавить, не всем хозяйкам по душе такие эмоциональные встряски. Но моя жена – мудрая женщина и она не стала ставить передо мной заведомо неразрешимых дилемм типа: «Или я – или они!». Она просто попросила меня принять меры.

Задача была непростой. Заделать отверстие, как вы понимаете, я не мог. Применить старый, испытанный в холостяцкой квартире, метод «живой охоты» было также невозможно из-за труднодоступности крысиного хода. Крысоловки и отравленные приманки, как я уже знал, ощутимого результата тоже не приносят.

Существует очень древняя и очень многословная мудрость, суть которой сводится к достаточно короткой мысли о том, что брак есть не что иное, как система взаимных компромиссов. Сейчас этот старый принцип, вновь став популярным, усиленно пропагандируется различными семейными психологами, более того, он с успехом применяется в международной политике, приводя к успешному разрешению различных конфликтов и в итоге – к мирному сосуществованию стран с разным государственным устройством и с совершенно различными политическими системами. И я решил попробовать претворить этот принцип в жизнь в нашей отдельно взятой однокомнатной квартире.

Первым делом, я перестал выносить мусорное ведро с вечера и стал делать это утром.

Во-вторых, я поставил на дверцу шкафчика под мойкой щеколду, сделав этот шкафчик запираемым снаружи.

В-третьих, я проинструктировал жену.

И результаты не замедлили сказаться.

Оставляемое на ночь мусорное ведро теперь всегда гарантировало крысам наличие некоего минимального продуктового набора, что делало их перемещения по остальной территории кухни попросту излишними. И действительно, зачем выходить на открытое пространство, на свет, подвергая себя риску оглохнуть от

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.12-14).

женского визга или даже, чего доброго, получить твёрдой фарфоровой чашкой по голове, когда тут, под раковиной, в темноте и в безопасности, всегда есть чем поживиться. Щеколда же на дверце шкафчика только дополняла наличие под мойкой мусорного ведра – она избавляла нас от излишне любопытных или, наоборот, от невнимательных грызунов.

Таким образом, необходимый компромисс был достигнут: крысы довольствовались предложенным им продуктовым набором и больше не бегали по всей кухне, а жена, прежде чем выкинуть что-либо в мусорное ведро, всегда вежливо стучалась в маленькую дверцу под мойкой, после чего, выждав пару секунд, откидывала щеколду и уже совершенно спокойно, не опасаясь нос к носу столкнуться с зазевавшимся грызуном, отворяла створку шкафчика.

В общем, как я уже говорил, крысы в Орловке не доставляли нам каких-либо больших хлопот, не говоря уже о том, чтобы отравлять нам жизнь. Наоборот, они показали себя вполне разумными, я бы даже сказал – цивилизованными существами, с которыми можно было вполне договориться и которые охотно шли на компромисс.

И ещё в тему.

После развала Советского Союза новоявленные независимые республики принялись спешно формировать свои независимые вооружённые силы. А дабы эти вооружённые силы были лояльными к новоиспеченным президентам и правительствам, их – в смысле, вооружённые силы – обязали присягать на верность этим самым правительствам и президентам. Огромное количество офицеров, полагая, что присягают не президентам и правительствам, а своему народу, а потому присягать можно не более одного раза в жизни, отказалось от этой унижительной процедуры. И жестоко поплатилось за это. Они тут же превратились в изгоев. Их увольняли из армии без пенсии и пособий; их выселяли из квартир, невзирая на наличие семей; их жён выгоняли с работы; их детей вышвыривали из детских садов. Порой дело доходило даже до физических расправ. Из независимых республик началось повальное бегство русского офицерства.

Но, как водится, палка оказалась о двух концах. Массовый исход офицеров породил в частях и подразделениях национальных вооружённых сил острый кадровый голод. Узждали ведь самые грамотные, опытные, а на их место приходили местные недоучки, умеющие много говорить, но ничего не умеющие делать. И это – в лучшем случае. А чаще на опустевшее место вообще некого было ставить.

И тогда национальные правительства бросили клич. Они обратились к своим соплеменникам в Российских Вооружённых силах с призывом возвратиться на родину, обещая им за это деньги, должности, звания и прочие манны небесные. И, надо сказать, многие соплеменники откликнулись на этот призыв!

Таким образом, в 92-93-м годах из Российских Вооружённых сил начался отток армян, таджиков, украинцев, узбеков, азербайджанцев и представителей прочих национальностей, ещё столь недавно составлявших дружную семью советских народов.

Впрочем, отток этот был неравномерным. В нём наблюдалась определённая закономерность: национальные чувства пробуждались тем быстрее и сильнее, чем дальше от благ цивилизации служил новоявленный нацмен. И наоборот, из центральных военных округов, из гарнизонов, размещённых вблизи крупных городов, отток этот был минимален. Я уже не говорю про зарубежье, и, тем более, про Западную группу войск, расквартированную в Германии. Я в те годы как раз служил в ЗГВ, и я не знаю ни одного офицера, который бы, бросив богатые немецкие магазины, устремился в родную его сердцу, но нищую Грузию или Туркмению. Нет! Одного всё-таки знаю! Но это как раз то самое исключение, которое как раз и подтверждает правило: офицеру этому – подполковнику – на его исторической родине, в Молдавии, была предложена сразу генеральская должность и шикарная квартира в центре Кишинёва!

В Орловке, как в гарнизоне очень дальнем и очень глухом, национальные чувства, казалось бы, должны были разыграть, как говорится, с неистовой силой. Но, как ни странно, этого не случилось. Из нескольких десятков представителей так называемых нетитульных наций из Орловки сбежало лишь несколько человек: трое или четверо представителей наземного состава и двое лётчиков – подполковник Терлюк и майор Пидружняк. Оба они отправились на «рідну Україну».

(продолжение следует).

• Неверной музе
Маргарита Петрова

Какая осень – такая муза:
Крадется в полночь в намокшей блузе.
И где блудила, в чью дверь стучалась.
Явилась в стужу, ища причала.

А я сегодня не расположен.
Твоей изменой, как конь, стреножен.
Был зачарован красой багряной –
Ты шлялась где-то в чужих бурьянах.

Сегодня осень дождями плачет –
Ты у окошка приткнулась клячей.
Прощенья просишь, клянешься в чувстве,
Мне обещаешь фавор в искусстве.

Вам, бабам, верить нельзя, заразам.
Согреюсь стопкой – и в путь с Пегасом.

Наталья Иванова

Пегас без Музы. Он не случайно
Нести к Парнасу меня не хочет.
И, одинокий поэт печальный,
Я греюсь стопкой осенней ночью.
Грущу, вздыхаю, хандрю немножко,
Сегодня вовсе не расположен
Писать стихи и смотреть в окошко,
Где ливень серый, на сплин похожий.
Он гасит всполох багряных красок.
Мне больно думать о бедной Музе.
В полночном сквере она напрасно
Одна гуляет в намокшей блузе.
Возьмусь за ручку, тетрадь раскрою.
Вернись, я сам ЗА ТЕБЯ простужен!
Холодный ветер шуршит листвою,
Ты мочишь ноги в студёных лужах.
У нас одна на двоих дорога,
А Бог не выдаст, Пегас не сбросит...
И слышу: жалобно у порога
Рыдает Муза, сама как осень.

Владимир Юринов

ЗАПИСКА С ФАЗЕНДЫ

Там, на Парнасе, вам с Музой мило,
а я пегасю – вся холка в мыле...

Светлана Виноградова

Ты у окошка приткнулась клячей,
Взор устремив на меня незрячий.
Вся блуза в дырах – следы бурьяна,
А я уже от рюмашки пьяный.

Пегас гарцует, он ждёт поэта,
А у меня и силёнок нету...
Махнул рукою, припал к окошку
И Музу кой-как втащил за ножку.

Пускай, коварна она, блудлива,
Зато понятливая на диво:
К столу проворно засеменила
И вмиг стишок сей мне сочинила!

Пётр Бобунов

А я утверждаю не понарошку,
Что муза обличьем – обычная кошка!
Гуляет себе, сама где захочет,
А ты её жди все дни и все ночи.
Сижу, как дурак, окна, двери раскрыты,
А муза – подумать! – у Маргариты!
Да ладно, не жаль, намурлычь хоть поэму,
А после ко мне?! – нет, она уже в Пено!!!!
А в Пено поэтов, что рыбы на плесе,
Боюсь, загостится, совсем меня бросит...

...сам стих доморочил, – кот больше б наплакал,
А вот если б музой моя же собака!

Игорь Столяров

Пропала муза. Ушла в загулы!
А я томился – три дня ни строчки.
Тоска зевотой сводила скулы,
В глазах стояли тройные точки.

Потом заботы насели грузом.
Мечусь, как веник, – весь день в запарке.
А в это время босая муза –
С чужим поэтом в каком-то парке.

А в парках нынче дожди стеною.
Но что ей капли – они, как росы,
Спадут на плечи, плащом накроют,
Хрустальным гребнем расчешут косы...

Мне, вот поверьте, немного надо:
Пером, как шпорой, взметнуть
Пегаса,
Вернуть беглянку – и как награда –
Пяток шедевров за меньше часа!

Бывают музы – годами дома,
Но мне судьбою дана гулена –
Уйдет и строчки едва знакомым
Поэтам шепчет под сенью клена.

И все ж сумел я к ней притереться:
Пусть равнодушна, горда порою,
Но вдруг замерзнет, придет погреться –
И я радушно тетрадь открою.

